

Студенческое общежитие. Потолок такой же простой и непритязательный, как и в тот день, когда он сюда заселился.

— Пора вставать, хозяин, — прозвучал в ушах настойчивый голос системы.

— Еще немного...

Он натянул на лицо подушку, и его голос прозвучал глухо. Настроение было таким же пасмурным, как и его ответ. Сяо Утун вспомнил сон. В нем он был предводителем в последней великой битве между бессмертными и демонами на континенте Ланьцан и стоял в первых рядах, глядя в лицо врагу. С чего бы вдруг приснилось такое?

Когда Сяо Утун наконец поднялся, на его лице не осталось и следа утренней меланхолии. Юноша встал перед высоким зеркалом, повертелся из стороны в сторону, разглядывая себя, и, оставшись доволен увиденным, радостно распахнул дверь спальни.

И тут же врезался в нечто до боли знакомое.

Нет, не в человека. Это была картина в изысканной раме. Огромная, в человеческий рост, украшенная нефритом и жадеитом, с вставками из прозрачных кристаллов вместо обычного стекла — роскошь этой конструкции поражала воображение. Но еще больше поражало то, что было внутри.

Это был киноплакат. На фоне полыхал магический мир, охваченный пламенем войны. Эльфы, демоны, люди, орки — все они теснились по краям, залитые ярким, ослепительным светом. Однако в центре, где сходились все лучи, краски словно поглощались тьмой, превращаясь в вечные черный и белый цвета.

Там, в центре, стояла фигура. Не разобрать ни роста, ни телосложения, ни даже пола. Все было скрыто под белой мантией мага, расшитой сложными магическими узорами. Глубокий капюшон скрывал лицо, оставляя видимым лишь фарфорово-белый подбородок и тонкие вишневые губы, слегка изогнутые в улыбке — семь частей неземной красоты и три части власти. Фигура протянула руку в черной перчатке с темным узором, из-под которой струилось серебристое сияние. Свет, срываясь с ладони, устремлялся вверх, рассыпаясь мириадами искр, сквозь которые проступали кровавые тени войны.

Всего два цвета — черный и белый, но сколько в них было величия и пугающей тайны!

Это был плакат с господином Фэном.

Сяо Утун тяжело вздохнул. Вчера в ресторане Симу, пытаясь заесть неприятный осадок от встречи с Сяо Цишу, Чи Лэ тайком заказал несколько бутылок вина и поил всех по очереди. А потом, сплотившись в борьбе с общим неприятелем, они вошли во вкус и остановиться уже не

смогли.

Хорошо хоть, что Сяо Утун был младше всех, и восемнадцатилетние «взрослые» его пощадили, но в итоге ему все равно пришлось тащить троих пьянчуг в общежитие. Если бы на этом все закончилось, он бы просто списал все на усталость. Но нет, в общежитии эти люди стали еще возбужденнее, болтали без умолку, и разговор сам собой перешел на господина Фэна.

Никто не ожидал, что молчаливый и вечно задумчивый Элтон внезапно достанет этот огромный, невероятно ценный плакат.

Вспоминая это, Сяо Утун снова почувствовал, как заныла голова. Эти пьяницы, едва держась на ногах, движимые фанатичной преданностью к господину Фэну, полночи разбирали стену, чтобы повесить плакат, а вторую половину ночи провели, поклоняясь ему.

Спасите! Господин Фэн совсем не хочет, чтобы ему поклонялись!

Разумеется, протесты Сяо Утуна не возымели действия. Он не мог раскрыть свою личность и не мог остановить фанатичных соседей. И вот теперь, встав утром, он без какой-либо подготовки наткнулся на этот «алтарь».

— У меня очень странное предчувствие, — пробормотал он.

— Я знаю, о чем ты, — отозвалась система. — Поздравляю, ты достиг достижения Потомство повсюду.

Сяо Утун: «???»

— Когда это я успел завести детей?

— А иначе как объяснить, что тебе здесь поклоняются?

Сяо Утун снова посмотрел на плакат: цветы, сладости, а сверху, словно украшения, были прислонены два меча, от которых веяло убийственной аурой. Настоящий семейный алтарь, не иначе.

Погодите! Кто положил сладости?! Использовать их как подношение кумиру — это же безумие!

Не успел он об этом подумать, как из кухоньки выглянул Чи Лэ:

— Утун, проснулся? Завтрак на столе, поешь перед уходом!

Сяо Утун перевел взгляд на стол. Там стояли изысканные закуски и прозрачный суп. Выглядело аппетитно. Но вид у этих закусок был подозрительно знакомый...

— Это... — он с сомнением указал на подношение перед плакатом.

— Это Элтон! Решил приготовить подарок для господина Фэна в честь новоселья! — Чи Лэ радостно подскочил к столу и отправил кусочек в рот. — Вкусно!

Элтон в гостиной смущенно потер затылок. Сяо Утун, странно глядя на тарелку, закричал на систему:

— Получается, я ем свой собственный завтрак за счет собственной славы?!

— Именно так, — лениво ответила система. — Лучше поторопись, через тридцать минут начало занятий.

— Каких занятий? — рука с закуской замерла в воздухе, Сяо Утун удивленно захлопал глазами.

— 28 августа, — невозмутимо ответила система. — Столичный комплексный университет, начало занятий на факультете кино и телевидения.

— Так быстро?!

Из-за огромного количества специальностей в университете официальная церемония открытия проходила в сентябре, но занятия начинались в разное время. Факультет кино и телевидения был в числе первых, о чем Сяо Утун, совершенно не интересовавшийся университетской жизнью, не подозревал.

Он быстро проглотил завтрак, бросил посуду в мойку и громко объявил:

— Пошли!

У первокурсников занятия были общими, и эта первая лекция проходила в огромной аудитории. Когда компания Сяо Утуна добралась до места, почти все сиденья были заняты, а профессор уже начал говорить. Под сотнями устремленных на них взглядов они пробрались в самый дальний угол и кое-как уселись.

Только тогда Сяо Утун смог прислушаться к лекции.

— Как всем известно, новую эру открыл император Чжоу, которого мы часто называем тираном. Эта история вам хорошо знакома. Но сегодня мы поговорим о конце старой эры,

предшествовавшей его правлению...

— Утун, — Чи Лэ перебил профессора. Сяо Утун обернулся и увидел, что глаза друга светятся, когда он смотрит на передние ряды. — Это факультет боевых песен!

Словосочетание «боевые песни» он слышал уже много раз. Больше всего ему запомнилось главное здание этого факультета — дизайн настолько уникальный, материалы настолько дорогие, что оно затмевало все остальные корпуса. Но что именно там изучают, он не понимал. А вот Чи Лэ знал, и его глаза буквально горели.

— Как же круто! Не думал, что мы будем учиться вместе с ними!

Сяо Утун присмотрелся к студентам того факультета, но ничего особенного не увидел.

— Сяо Цишу тоже с факультета боевых песен, — тихо сказал он.

Чи Лэ тут же перестал восхищаться, на его лице отразилось презрение.

— Эти люди с факультета боевых песен только и умеют, что строить из себя невесть что!

Он отвернулся и попытался слушать лекцию, но это была история. Профессор неспешно вел рассказ о темных временах трехтысячелетней давности, перечисляя названия планет, которые давно исчезли, — слушать это было невыносимо скучно. Хотя эта эпоха была окутана легендами и любима кинематографистами, никто не хотел слушать скучные подробности того, что было до нее.

Чи Лэ заерзал на стуле. Он огляделся по сторонам: Элтон выглядел полуживым, Лэнс что-то записывал, но сидел далеко. В конце концов, Чи Лэ решил обратиться к Сяо Утуну. Тот был младше всех, наверняка ему тоже скучно. Но, повернувшись, он замер: всегда живой и непосредственный Сяо Утун слушал лекцию с таким серьезным видом, будто решалась судьба всей его жизни.

Чи Лэ был ошарашен. Обычно студенты поступали в университет в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. Сяо Утун был младше, и Чи Лэ привык относиться к нему как к младшему брату — наивному и беззаботному. Он никогда не видел у него такого выражения лица: сосредоточенное, благоговейное, словно он слушал наставления божества.

Неужели нынешние дети так любят учиться?

Сяо Утун внезапно обернулся и склонил голову:

— Что-то случилось?

Чи Лэ моргнул, и его удивление тут же улетучилось. Ну, просто ребенок любит учиться, что тут такого?

— Ты слышал, что изначально факультет боевых песен относился к факультетам боевых искусств? — Чи Лэ перешел к заранее заготовленной теме.

История Альянса имела поворотный момент три тысячи лет назад — период, который позже назовут Темными временами. Он до сих пор часто встречается в кино, даже фильм режиссера Керна, в котором снимался Сяо Утун, был основан на этом периоде. В те времена хватало всего: и тиранов, и героев, и легенд, и магических символов, и жуков-захватчиков.

В те времена боевая песня была грозным оружием. Исполнители использовали особые инструменты, работающие на энергии символов. Говорят, сильный певец мог в одиночку противостоять тысячам боевых мехов. Но со временем сила боевых песен угасла, и теперь они стали лишь вспомогательным средством, поднимающим боевой дух.

И все же для любого юноши эта профессия была окутана тайной.

— Лучший боевой певец во всем Альянсе — это господин Фэн, — прошептал Чи Лэ. — Даже через трансляции его голос воздействует на людей. Эта пугающая сила уже привлекла внимание верхушки, говорят, факультет хотят перевести из искусств в боевой сектор.

Сяо Утун про себя взвесил информацию и спросил:

— Хотят вернуть в боевой сектор?

— Ага, — Чи Лэ подпер щеку рукой, его глаза сияли. — Боевой певец — звучит так круто! Жаль, что поступить туда может не каждый.

Сяо Утун усмехнулся, но промолчал, снова глядя на сцену.

— Система.

— Что?! — система уже приготовилась к любой атаке своего бестолкового хозяина.

Но Сяо Утун тихо спросил:

— Если человек совершил много плохих поступков, но при этом сделал много хорошего, можно ли считать, что он не творил зла?

Система ожидала философского вопроса, но такой прыжок мысли ее озадачил. Однако, будучи

хорошей системой, она должна была помочь. Подумав, она ответила:

— Да, конечно!

Это же просто эквивалентный обмен, она понимала!

Сяо Утун довольно улыбнулся и больше ничего не сказал, пребывая в отличном настроении. Чи Лэ продолжал что-то шептать о легендах боевых песен. Его фанатизм был настолько велик, что Сяо Утун подумал: возможно, Чи Лэ хочет стать не экспертом в шоу-бизнесе, а настоящим боевым певцом.

— Нет-нет, это невозможно, — Чи Лэ широко раскрыл глаза, опровергая его предположение. — Боевым певцом не так-то просто стать!

— Разве это не то же самое, что петь? — Сяо Утун нахмурился. — Нужно просто иметь особый инструмент, разве нет?

— Не говоря уже о том, насколько редки эти инструменты, играть на них может далеко не каждый! — серьезно начал просвещать его Чи Лэ. — Только те, кто обладает духовной силой, способной активировать символы в инструменте, имеют потенциал стать певцами. Таких людей меньше, чем пилотов мехов.

Сяо Утун смотрел на него огромными глазами. Когда Чи Лэ решил, что его слова наконец-то впечатлили «неопытного малыша», тот спросил:

— Раз ты такой знаток... ты пробовал поступать на факультет боевых песен?

Лицо Чи Лэ окаменело.

— И не поступил! — юноша решительно кивнул, соглашаясь с этим утверждением.

— Не так... я всегда хотел на факультет кино и телевидения... — Чи Лэ почувствовал удушающую неловкость. Он поспешно сменил тему, скользнув взглядом по студентам факультета боевых песен впереди, и внезапно спросил: — Эй? Что-то людей мало, кто-то прогуливает?

— Кто?

Чи Лэ еще раз внимательно осмотрел ряды, затем посмотрел на Сяо Утуна и произнес:

— Сяо Цишу.

Сяо Цишу не прогуливал. Он взял отгул по уважительной причине.

Сегодня они с семьей Ци обсуждали дату помолвки. С тех пор как появилась система генетической совместимости, люди привыкли называть пары, прошедшие проверку, женихом и невестой, хотя юридической силы это не имело. Но так как все делали это на протяжении двух тысяч лет, результат стал общепринятым.

Для семей Сяо и Ци, одна из которых была деловой, а другая — политической, соблюдение традиций было делом чести. Поэтому сегодня госпожа Ци заставила своего сына Ци Чэня взять выходной, а Сяо Цишу в сопровождении главы семьи Сяо Моси прибыл в дом Ци.

Если бизнес семьи Сяо охватывал весь Альянс, то влияние семьи Ци распространялось на правительство. Однако за последние поколения влияние Ци в политике ослабло. Положение удалось немного поправить лишь тогда, когда отец Ци женился на госпоже Ци из знатного рода, приведшей в дом своего сына. Но репутация семьи была подмочена.

В политике, где репутация была важнее всего, положение отца Ци было шатким. Казалось, семье суждено медленно угаснуть, как только иссякнут старые связи и поддержка семьи жены.

А потом появился Ци Чэнь.

Он был абсолютным исключением. В то время как все в семье Ци шли в политику, Ци Чэнь ушел в армию и стал маршалом. Его успех позволил семье Ци объединить военные и политические силы, превратившись в мощнейший клан Альянса. Но эта слава принадлежала Ци Чэню, а не семье Ци.

Сяо Моси смотрел на молодого человека напротив, в его глазах горело пламя надежды на процветание своего рода. Он отвечал на расспросы госпожи Ци, незаметно льстил ей, желая поскорее укрепить союз. Он знал: несмотря на то, что Ци Чэня и Сяо Цишу считали идеальной парой, многие семьи мечтали занять место супруги маршала.

Сяо Моси вздохнул. По традиции, дату помолвки следовало объявить в день получения результатов совместимости, но Сяо Цишу, не понимая ситуации, выдвинул столько требований, что госпожа Ци легко уклонилась от обсуждения. Ради какого-то кузена, который ему не нравился, Сяо Цишу упустил лучшее время для заключения союза.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, глава Сяо, — госпожа Ци одарила Сяо Цишу мягким взглядом. — Мне очень нравится Цишу. Но вы же знаете, Ци Чэнь вечно занят, у него совсем нет времени на такие мелочи, как помолвка.

— Именно поэтому я сегодня привел Цишу лично, — сказал Сяо Моси. — Цишу очень хотел увидеть маршала.

Сяо Цишу поспешно закивал:

— Да, с тех пор как я прилетел на Столичную планету, я давно не виделся с маршалом!

Он украдкой взглянул на Ци Чэня. Тот сидел на диване с прямой спиной, неподвижный, как робот. В его темных глазах не отражалось ничего — ни Сяо Цишу, ни госпожа Ци, ни Сяо Моси.

«Он просто такой холодный по натуре, — утешал себя Сяо Цишу, — это не против меня. А даже если и так, с его влиянием я все равно ничего не теряю».

— Кстати, раз уж заговорили об этом, наши семьи никогда не обедали вместе. Раз уж вы здесь, оставайтесь на обед, — госпожа Ци мягко улыбнулась и встала, подзвав слугу. — Иди, скажи на кухне, пусть приготовят все как следует.

— Госпожа, не стоит так беспокоиться... — Сяо Моси нахмурился, видя, что тему снова пытаются сменить, но не успел он возразить, как Сяо Цишу выпалил:

— Тогда спасибо за приглашение, госпожа!

<http://bllate.org/book/19833/1952560>